

А. П. Овчинникова

КНИГА КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Когда именно возник вопрос о том, сколько, как и конкретно какие именно книги должен прочитать каждый человек, чтобы считаться культурным и цивилизованным, хотя и возникает довольно часто, остаётся нерешённым. Возможно, он существовал всегда, с тех пор, как возникла книга. Но европейцев этот вопрос всерьёз беспокоил сравнительно недавно — тогда, когда к концу XX века было замечено, что под влиянием телефильмов, телесериалов, компьютерных игр, распространения социальных сетей и т.п. дети стали читать намного меньше. Более того, не только дети, но и не менее 40 % взрослых европейцев книг не читают вообще — ни бумажных, ни электронных. Уровень книжного невежества неуклонно возрастает.

Поневоле спрашиваешь себя, а не подходит ли к концу эпоха Гуттенберга? А если она подошла к своему завершению, то так ли это страшно? Ведь, по большому счёту, все эпохи когда-нибудь кончаются, почему эра книги должна быть исключением? Ведь бывали и раньше такие времена, когда книги представляли интерес только для некоторых монахов и хранились в монастырях за семью печатями. Однако очевидна и особенность наших дней в том, что невежество, оглушение масс и, соответственно, презрение к серьёзной книге насаждается сознательно и целенаправленно средствами массовой информации, некоторыми социальными институтами и даже правительствами отдельных государств, в частности, под влиянием разного рода идеологий фундаментализма — религиозного или политического.

Нормальный европейский интеллигент старой закалки в условиях современного информационного Вавилона ощущает себя тем мальчиком, который пальцем затыкает дырку в плотине. (По легенде, мальчик из деревушки Спарндам спас Голландию от наводнения. Он заткнул пальцем маленькое отверстие в плотине и стал дожидаться взрослых. Его

нашли наутро замерзшим насмерть. Палец все так же затыкал пробойнику). Казалось бы, и в самом деле, каждый должен делать то, что может, чтобы не допустить исчезновения культуры, но вопрос об исторической судьбе культуры тем самым не снимается.

Предполагается, что существует связь между тем, что европейцы все меньше читают, и тем, что называют кризисом культуры. Во всяком случае, Европейский фонд культуры выражает беспокойство на этот счет. Он запускает различные программы, посвященные активизации интереса к чтению. Все исходит из того, что именно книга способствует становлению личности. При этом подсказывают: любовь к чтению начинается дома, в семье, и особенно важно, чтобы родители читали детям вслух — даже тогда, когда ребенок уже читать умеет.

Действительно, смена форм культурной жизни общества связана со способами пользования книгой, эта связь прослеживается довольно отчетливо. Без книги не было бы того, что называют «греческим чудом». При этом самым распространенным способом чтения античности еще в V в. до н.э. было как раз чтение вслух. Оно воспринималось как одна из форм общественной жизни, тогда как чтение в одиночестве широкого распространения не имело. Целью чтения вслух было дать возможность читателю понять смысл текста, написанного непрерывным письмом, без промежутков между словами, который оставался мертвым и невразумительным, если не был прочитан вслух. Кроме того, чтение вслух позволяло обнаружить и понимание текста читающим. «Наконец, большая часть произведений античности, и не только философских, была непосредственно связана с устной речью, поскольку эти сочинения предназначались для чтения вслух, нередко чтения публичного. Эта тесная связь письменного и устного слова может прояснить некоторые странные, на наш взгляд, особенности философских сочинений» [1, с. 289]. Происходит то, что П. Рикер называл встречей «мира текста» и «мира читателя», когда в процессе чтения текст приобретает смысл и эффективность воздействия. Ведь изначально в тексте не заложен какой-то один вариант его прочтения, текст дается без учета разницы между смыслом, который заложил в него автор, и тем смыслом, который придаст ему читатель. Читатель, таким образом, заявлял о своем отношении к прочитанному.

А первые известные нам собрания книг, как общественные, так и личные, — это собрания профессионального характера, как, например, библиотеки Еврипида и Аристотеля. У Ксенофонта в работе «Меморабии, или Воспоминания о Сократе» приводится такой диалог: «Может быть, ты хочешь стать рапсодом? — спрашивает Сократ у Эвфидема и добавляет: — «Говорят, у тебя есть все сочинения Гомера». В «Эрехтее» Еврипида есть такие стихи: «Так пусть я смогу, отложив копье и повесив на стену мой фракийский щит, заставить звучать голос табличек, из которых ученые добывают себе славу». Эти слова могут относиться только к чтению вслух.

Позже тема «одушевленной книги» будет пользоваться большим успехом и у латинских авторов императорского периода — периода наиболее широкого распространения литературы. Именно тогда была выработана настоящая теория чтения, представлявшая собой подробный перечень наставлений относительно выразительности голоса в процессе чтения. Корни артистического восприятия процесса чтения лежат в ораторском искусстве, которое в свою очередь тесно связано с актерским мастерством.

Существовало, разумеется, и чтение про себя, а первые упоминания о нем можно найти в конце V в. до н. э. (Еврипид, Аристофан). Но они касались не чтения книг, а всего лишь чтения писем, различных посланий и пророчеств оракула, написанных на воощенных дощечках. Все же вплоть до XVI—XVII вв. чтение подразумевало, прежде всего, вокализацию текстов. «Читатели» были и слушателями голоса чтеца. Текст, предназначенный для слуха, подчинял письменную речь требованиям, свойственным «параметрам» устной речи.

Немаловажное значение для формы культуры имела и сама форма публикации книги. Одно дело глиняные таблицы, а совсем другое дело — книга в виде свитка. Им соответствуют разные культурные эпохи. Можно представить себе читателя наедине со свитком, его же перед слушателями, оратора, разматывающего лежащий перед его глазами текст, человека, возлежащего за трапезой и читающего свиток. Невозможно себе вообразить читателя, возлежащего с глиняными таблицами. Вот и появление в I в. книги-кодекса (лат. *codex* — книга), книг-тетрадей со страницами и обложкой, не просто изменило образ чтения, но и знаменовало собой приход новой культурной эпохи. Возникла возможность новой организации мышления и работы с информацией. Кроме таких известных преимуществ, как дешевизна, экономичность (лист заполнялся с двух сторон), кодекс сделал процесс чтения более комфортным — у чтеца освободилась рука: не надо было держать концы свитка. Освободившаяся рука позволяла читать и писать одновременно, делать пометки, листать книгу, быстро находить необходимую цитату, делать выразительные жесты во время чтения вслух и т.д.

Между концом XI и началом XIV в. начался новый этап в истории чтения. Люди начали читать больше, а вслух читать все реже. Книга стала инструментом интеллектуального труда. Одновременно изменяется и пространство, в котором существует книга. В XIII в. вместе с появлением нищенствующих монашеских орденов появляются и общественные, а не только индивидуальные, библиотеки. С архитектурной точки зрения эта новая библиотека представляла собой длинный зал со свободным проходом посередине, по обеим сторонам которого параллельными рядами стояли пюпитры, к которым *цепями* были прикованы книги, предлагаемые для чтения и исследования.

В XVI в., в период позднего средневековья, появляются и первые признаки «механизации» чтения. Так, «Свод гражданского права» пред-

ставлял собой объемистые тома, чтение которых могло занимать много времени. Поэтому юристы придумали машинку с крутящимися полками — что-то вроде книжного колеса. Еще один любопытный предмет чтения в эпоху Возрождения — «Тетрадь общих мест». В этом своеобразном «дайджесте» по рубрикам распределялись цитаты, сведения и наблюдения, собранные читателями. Эта тетрадь олицетворяет собой фрагментарное чтение текста, позволяющее воспринимать его не целиком, а частями и, по желанию — с нарушением последовательности, а также с параллельными местами и сопоставлениями. Большая часть читателей пользовалась подобными изданиями.

Но подлинный переворот в средствах коммуникации связан с периодом Реформации. Кто возьмется сказать, что здесь выступало в качестве причины, а что в качестве действия этой причины? Открытие Гуттенберга видоизменило условия движения идей, ускорив циркуляцию текстов и уменьшив цену каждого экземпляра. Разве Реформация не была в каком-то смысле дочерью Гуттенберга? В XVI в. убеждение в основополагающей роли книгопечатания при распространении идей Лютера принималось многими.

Начиная с середины XVII в., многие философы стали придерживаться мнения, что одного только чтения для того, чтобы считаться культурным человеком, недостаточно. Успехи механики сделали признаком нормальной образованности знание еще и математики. Убеждение, что только строгое рассуждение по образцу математического доказательства может дать возможность дойти до истины, стало повсеместным. Но и чтение не утрачивает своего значения. На протяжении XVII в. многие интеллектуалы Европы для того, чтобы просветить и обучить студентов, составляли антологии свода изречений, сборники пословиц и комментарии к ним. Например, был издан отдельной книгой сборник из 800 латинских изречений и написано 4000 статей, объясняющих греческие и латинские афоризмы. От учеников требовалась чувственная дикция и хорошая память. Известно, что ученый XVII в. Юст Липсий читал Тацита с приставленным к горлу кинжалом, который при малейшей ошибке приводил бы его в действие. По-прежнему считалось важным именно вокализованное чтение. Всем было известно, что оно развивает память.

В XVIII в., после буржуазных революций в Европе, чтение книг становится массовым явлением. Не сразу, не без борьбы. Рационалисты полагали, что путь прогресса пролегает через чтение. «Их ярая пропаганда полезного чтения познакомила поднимающуюся буржуазию с этим культурным занятием как с оригинальным видом коммуникации. Их противники — приверженцы традиций — выступали против чтения с не меньшей запальчивостью, потому что в их глазах чтение было равнозначно первородному греху: тот, кто читал, вкушал плод с запретного дерева познания» [2, с. 397–398].

Последнее слово осталось за рационалистами. Чтение превратилось в социальную силу, способствующую карьере и обретению независимо-

сти. Массовое чтение книг и газет привело к тому, что формируется новое самосознание, новая буржуазная идентичность, противопоставляемая аристократической и церковной, — так же как сегодня формируется новая европейская идентичность [3]. Существовало даже мнение, что именно чтение газет и книг спровоцировало ряд европейских революций. Вот только одно свидетельство того, какое значение придавалось чтению романов: «С тех пор как существует мир, мы являемся постоянными свидетелями таких странных явлений, как чтение романов в Германии и революция во Франции. Они — как две полярные противоположности — развивались почти одновременно. И совсем уж не так нереально предположить, что для мужчин и их семей, роман... стал причиной стольких же несчастий, как свершившаяся однажды такая ужасная Французская революция» [4, с. 359].

По-видимому, не менее радикальные изменения происходят и теперь, в связи с постепенной заменой книги-кодекса на компьютерный дисплей и диски DVD. Совершенно очевидно, что эта замена окажется более радикальной, чем замена свитка кодексом. Предсказать все последствия этой новой революции в способах хранения, переработки и передачи информации невозможно. Тем не менее, можно заметить ряд изменений и тенденций. Становится иным сам способ составления текстов, они становятся более лапидарными и лаконичными. Не прекращаются дискуссии на тему о том, «умер ли роман». А вот М. Павич писал свои романы уже в форме компьютерных файлов, оставляя читателю свободу в последовательности их чтения (иначе говоря, каждый читатель как бы волен составить свой собственный роман самостоятельно). Современный читатель обретает возможность освободиться от идеологической пропаганды властей и выбирать чтение по своему вкусу. Стало очевидным, сколь разнообразны интересы читателей в эмоциональном и интеллектуальном, общественном и личном планах. Новые информационные способы коммуникации (социальные сети в Интернете, фейсбук, скайп) объединяют людей, минуя непосредственное личное общение, и даже становятся средством организации массовых социальных выступлений.

У всех этих процессов есть и обратная сторона. О чтении вслух в кругу семьи и друзей почти никто уже не вспоминает, а значит, не только ухудшается качество речи, но и увеличивается мера одиночества нашего современника. При этом, как ни странно, чем доступнее становится книга, тем меньше она востребована. Как выше отмечено, едва ли не половина людей ничего не читает. Более 1 миллиарда людей Земли (каждый седьмой!) вообще безграмотно, что не мешает им общаться друг с другом по мобильным телефонам, смартфонам и т.п. Падает гуманитарная грамотность школьников и студентов, а вместе с тем и педагогов. Хотя все это характерно, в первую очередь, для экономически отсталых регионов, Европе эти тенденции также не обходят стороной. Нередко «знание» нескольких языков ограничивается элементарны-

ми формами общения, но не сопровождается литературным владением хотя бы одним из них, включая родной язык.

Замечено, что почти все кампании по массовому развитию грамотности, предпринятые в XX веке в ведущих странах, были направлены на развитие способности чтения, а не письма. Возможно, это проявление силы инерции. Чтение до наступления телевизионной и компьютерной эры было лучшим средством распространения ценностей и идеологий, которое наиболее легко поддавалось регулированию со стороны государства и общества. Что касается письма, то на него меньше обращали внимания. Письмо олицетворяет индивидуальную способность личности, делающей ее свободной: писать для того, чтобы создавать то, что хочется, вне всякого контроля и без какой-либо цензуры.

Однако развитие способности письма может идти только вместе и параллельно с изменением характера обучения в целом. Чтобы выражать свои мысли письменно, надо эти оригинальные мысли иметь. А чтобы мыслить оригинально, надо возвести в ранг привычки ко всему относиться творчески. Такая привычка формируется только в процессе *проблемного* обучения во всех без исключения дисциплинах. Это дело долгое и трудное. Гораздо легче управлять обучением чтению. Контроль за тем, что и сколько читать, является более прямым, легким и безболезненным. Для этого достаточно, чтобы материалы, предназначенные для чтения теми, кого следует обучить грамоте и воспитать, проходили отбор и представляли собрание одобренных обязательных произведений, т.е. некий «канон» обучения. При этом решается и задача минимизации чтения, поскольку прочитать все, что написано за века существования книги, невозможно.

Сегодня понятие канона чтения определяется как система произведений или авторов, предлагаемых в качестве нормы или образца. Любой культуре известны такие каноны — один или несколько. Западной литературной традиции присущ достаточно широкий «канон». Структура этого систематического чтения была довольно жестко определена задачей обеспечения воспроизводства идеологических, культурных и политических ценностей, лежащих в основе западного мировоззрения.

Однако государство, школа и общественные организации в последние годы утрачивают способность влиять на формирование канона. По разным причинам, в том числе благодаря Интернету, читатели получили довольно широкую свободу выбора. Вместе с тем обнаружилась и обратная сторона этой свободы — дезориентация читателя: зачастую он делает выбор случайно, читает то, что легче читается, или идет на поводу у рекламы, цели которой отнюдь не обязательно носят духовный характер. Положение усугубляется не только демонстративным отказом следовать «канону», но и полным отказом от какого-либо чтения. После международных книжных ярмарок в окрестностях Лейпцига стали появляться гигантские свалки книг — нечто новое в современном городском пейзаже.

Подвергается критике и сам набор книг, который якобы должен знать каждый культурный человек. Еще в 1988 году в Станфорде, в престижном калифорнийском университете, прозвучал студенческий протест против навязывания «канонов» для чтения, сконцентрированного на европейской классической культуре от Гомера до Гете. Студенты требовали лишить «канон» европоцентризма, чтобы он стал более «американским», чтобы в него были включены африканские и южноамериканские авторы. Наряду с этим студенты требовали изменить способы произнесения текстов, интонационный строй речи. Фактически, они требовали, чтобы наряду с господствующими «канонами» появились и другие.

Но... много канонов — отсутствие канона. Сегодня в Америке наблюдается развитие чтения открыто потребительского характера, при котором во имя его абсолютной свободы отвергаются любые системы ценностей и любые педагогические подходы к нему. Так, во время анкетного исследования, проведенного социологом Элизабет Лонг в Хьюстоне, представители из спонтанно образованных читательских групп при опросе заявили, что требуют полной независимости в выборе изданий для своего чтения. А рекомендуемый перечень характеризуется ими так: «он хорош для мусорной корзины» [5, с. 462].

Но что же предпочитают студенты (а также университетские преподаватели негуманитарных специальностей, представители свободных профессий, бизнесмены)? Оказывается, они предпочитают мистические истории, научную и околонаучную фантастику, вестерны. Чтение воспринимается ими как простое развлечение. Образовательное чтение все больше уступает место развлекательному. При этом по объему читают все меньше и меньше книг, газет, журналов (которые не столько читают, сколько просматривают и рассматривают), но все больше текстов и гипертекстов в новостной строке и различных блогах. От чтения стали ожидать видеоряда — наподобие комиксов, с которыми можно затем расстаться без каких-либо размышлений, переживаний и сожаления.

Таким образом, чтение сегодня перестало быть главным инструментом приобщения к культуре. Его роль подорвана телевидением и компьютером, которые, в свою очередь, идут не столько за высокими образцами культуры, а приспосабливаются к усредненному вкусу читателя, ставшего преимущественно зрителем. Дистанционное управление телевизором позволяет телезрителю мгновенно переключать каналы, такой просмотр как бы позволяет создавать собственные «телеспектакли». Это — новый инструмент потребления и «аудиовизуального» творчества. Он являет прямую противоположность традиционному чтению, для которого характерны линейность и последовательность.

Все эти особенности современного «чтения», которое почему-то стали называть «постмодернистским», распространяется и в развитых европейских государствах. Его характеризуют как «анархичное», «эгоистичное», «эгоцентричное». Оно основано на единственном утверждении: «Читаю то, что хочу».

Надо сказать, что кризис читательской культуры происходит не впервые. В истории Европы подобное происходило, по крайней мере, дважды. В первый раз читательский кризис возник в III–IV вв., когда христианская культура противопоставила себя языческой и вытесняла своим «канонам» греческих и латинских авторов. Во второй раз это случилось в период между XIV и XVI вв., когда итальянские гуманисты выступили против «канона», представлявшего схоластическую культуру. Они предложили заменить его другим «перечнем», который включал, в первую очередь, *отобранные* произведения классических авторов — греческих и латинских. В обоих случаях отказ не был полным. Христиане не отказались от Вергилия, а гуманисты — от трудов отцов Церкви.

Чем закончится третий период, который нами сейчас воспринимается как «болезнь» культуры? Надо ли лечить и как лечить эту болезнь? Ответ зависит от того, какие цели определит для себя новая европейская (или, имея в виду процессы глобализации, — мировая) культура. Чтобы вовсе не потерять ориентиры, новая культура, какой бы она ни была, очевидно, не обойдется без своего канона. Без него не станет общей базы для взаимопонимания, а, стало быть, не будет и самой культуры. При его формировании неизбежно возникнут экстенсionales трудности. Ведь объем этого «джентльменского набора» культурного человека не может быть ни бесконечно большим, ни слишком малым, а должен быть оптимальным. Структура этого канона должна соответствовать общим моральным, политическим, социально-экономическим, религиозным и эстетическим идеалам европейцев, но не может обойтись и без ценностей регионально-национальных. Последнее означает, что канон не будет одинаковым для всех стран и регионов. Нельзя не брать в расчет и тенденций глобализации. Вот только один пример: в список чтения любого европейца сегодня непременно входит «Библия». Но, с учетом процессов глобализации, почему в нем нет и «Корана»? А почему только «Корана», а не фундаментальных буддийских или синтоистских текстов также?

При составлении канона чтения возникнут трудности и интенсionales характера. Новая культура — это всегда и новая система ценностей. То, что сегодня находится у всех перед глазами, — это кризис общества потребления. Если мы дадим победить себя тому, что называют обществом потребления, то *болезнь* культуры, какой бы безобидной она сегодня не казалась, перейдет в хроническую форму и станет *нормой* жизни. Если же общество потребления отжило свой век, отойдет в прошлое и уступит место какой-то иной форме жизни, например, той, которая предпочтет приспособление к природе и самосовершенствование человека, то, соответственно, найдутся и новые формы чтения (или... того, что послужит ему адекватной заменой). Но и тогда вопрос о том, сколько, как и конкретно какие именно книги должен прочитать каждый человек, чтобы считаться культурным, не отпадет никогда. По-видимому, этот вопрос из числа вечных.

Л и т е р а т у р а

1. Адо П. Что такое античная философия? / *Пьер Адо*. — М.: Изд-во гуманит. лит., 1999. — 320 с.
2. Виттман Р. Революция чтения в конце XVIII в. / *Р. Виттман* // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. — М.: «Изд. ФАИР», 2008.
3. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы / *Ю. Хабермас, Ж. Деррида* // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. — 2003. — № 6.
4. Хайнцманн Й. Г. Призыв к моей нации. О чуме немецкой литературы / *Й. Г. Хайнцманн* // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. — М.: «Изд. ФАИР», 2008.
5. Long E. Reading Groups and the Postmodern Crisis of Cultural Authority / *E. Long* // *Cultural Studies*, I. — 1987. — P. 306–327.

А н н о т а ц и я

Овчинникова А. П. Книга как средство коммуникации. — Статья.

В статье исследуется генезис чтения как средства коммуникации. Анализ этого средства позволяет выявить различные функции чтения вслух и чтения про себя. Выявлена разница между чтением образовательным и чтением потребительского характера.

Ключевые слова: канон чтения, культура, практики чтения.

А н о т а ц і я

Овчинникова А. П. Книга як засіб комунікації. — Стаття.

У статті аналізується генеза читання як засіб комунікації. Аналіз цього засобу дозволяє виявити різні функції читання взагалі та читання вголос. Виявлена різниця між читанням освітнім і читанням споживчого характеру.

Ключові слова: канон читання, культура, практики читання.

S u m m a r y

Ovchinnikova A. P. Book as mean of communication. — Article.

Genesis of reading as mean of communication investigated in the article. The analysis of this mean allows finding the different functions of reading aloud and reading to oneself. A difference between the educational reading and consumer reading is substantial.

Keywords: canon of reading, culture, practices of reading.